

На старом фото изображён элегантный мужчина с гордой осанкой, на груди – звёзды орденов Российской империи, большая звезда соответствует ордену Святого Станислава 1-й степени. За какие же заслуги бывший заозерский крестьянин Яков Васильевич Щукин получил Императорский и Царский орден, установленный в награду заслуг, способствующих общему благу государства? Взгляд из семьи, с милыми домашними подробностями, с любовью и почтением к своему знаменитому мужу, передаёт самый близкий ему человек – жена Анна Григорьевна. 43 страницы текста представляют полную и правдивую картину жизни удивительного человека, все свои силы и талант отдавшего «честному театральному делу», созданию достойных народных развлечений. Отрывки из воспоминаний, переданных дочерью Ниной Яковлевной Черкес-Щукиной в 1974 году и хранящихся в фондах Угличского музея, публикуются без комментариев, в точном соответствии с авторским текстом.

«С САМОЙ ПРАВДИВОЙ СТОРОНЫ»

Воспоминания Анны Григорьевны Щукиной о своём муже – создателе и устроителе театра и сада «Эрмитаж» Якове Васильевиче Щукине

Татьяна ЕРОХИНА

«Слушая театральные воспоминания Монахова, Немировича-Данченко, Станиславского и др., встречаю часто имя моего мужа Щукина, причём, все приписывают ему необычные черты характера, что невольно приходит в голову, почему же в этом человеке выработался такой характер, и что он был за человек?»

Так вот: будучи его женой, хочется написать о нём всё начистоту и только с самой правдивой стороны.

Было всё так: родился муж мой Яков Васильевич Щукин в 1868 г.* в деревне Вяльково Ярославской губернии Угличского уезда, там же, где родилась и жила я.

Деревня эта находилась в 160 верстах от Москвы, причём, железной дороги не было, и сообщение с Москвой было в кибитках на лошадях.

Родился он в небогатой крестьянской семье, которая состояла из семи человек. Яша был самый младший, но уже с самого детства он был общий любимец и пользовался уважением в семье, потому что всё, что бы он ни сделал, все отличалось добросовест-

* Я.В. Щукин
родился в 1856 г.

ностью, деловитостью и особенной аккуратностью. Никогда он не лгал, любил держать слово.

До 14 лет он жил в деревне, где учился в сельской школе, получив низшее образование, но очень любил читать книжки, всё его интересовало, и всё он хотел знать.

Ввиду недостатка в семье и невозможности жить на крестьянские заработки, Якова Васильевича отправили 14-летним мальчиком под Москву в Николо-Угрешский монастырь работать в качестве служки при гостинице этого монастыря. «Старец» этого монастыря – отец Иов-«прозорливец» очень полюбил мальчика за его добросовестную работу, исполнительность, любознательность... и пророчил мальчику Яше необыкновенную будущность.

В монастыре он прожил до 21 года, и за все эти годы с любовью и интересом работал в саду и огороде, особенно любил ухаживать за фруктовыми садами, а цветы он прямо обожал, и не было случая, чтобы он, заметив какой-нибудь цветок, даже полевой,

Татьяна ЕРОХИНА
родилась в 1950 году в селе Ильинское Угличского района. После окончания средней школы № 2 поступила в Ленинградский институт текстильной лёгкой промышленности. С 1981 года работает научным сотрудником Угличского государственного историко-архитектурного и художественного музея. Автор статей в «Угличской газете», в научных сборниках музея, а также автор и составитель книг «Чтобы помнили» и «Угличский именник».

Дочь Якова Васильевича
Нина Щукина.

Яков Щукин
в молодости.

Окрестности
Москвы.
Фото начала
XX века.

не остановился, не поправил его, не приласкал взглядом.

Всю свою жизнь Яков Васильевич не забывал ни отца Иова, ни Николо-Угрешский монастырь. Он ежегодно, когда уже театральная жизнь была налажена, ездил с ночёвкой под большие праздники (тогда по религиозным убеждениям все театры были закрыты) к Николо-Угреши, как в свою родную колыбель, которая дала ему такую прочную основу и знание многих дел, которые были ему опорой и послужили большой услугой во всей его трудовой жизни.

Поездка устраивалась пикником, приглашались близкие артисты и друзья, заказывали четыре четвёрки лошадей, хотя это было всего 18 вёрст от Москвы. Набирались самые лучшие закуски и выпивки, и ехали все отдыхать.

Ехали часа два и по приезде сейчас же заказывали панихиду на могиле отца Иова, а затем гуляли по всем тем местам и садам, в которых когда-то Яков Васильевич бегал мальчиком...

21 года Яков Васильевич был взят

на рекрутскую службу на 5 лет, как это было тогда, и за все 5 лет он не пользовался отпуском и не был в семье ни разу за 5 лет. Там он работал старшим аптечным фельдшером.

По окончании рекрутчины он вернулся в семью, которая в это время переехала в село Заозерье в одной версте от деревни Вьялково. С Яшей мы с детства росли вместе, дружили, и по возвращении его домой мы поженились.

Прожив зиму дома, весной Яков Васильевич поехал в Москву и поступил официантом в старый ресторан «Эрмитаж» у Лентовского, где прослужил недолго и перешёл в театр к Родону, где тоже имел свой фруктовый буфет. В скором времени он передает буфет своему брату, а сам переходит в Зоологический сад, берёт там фруктовый буфет и киоски-палатки. В одной из этих маленьких палаток сидела и я, продавая семечки, орехи и пряники. Часто директор Васильцовский, идя мимо, бросит мне двугривенный и с улыбкой возьмёт горстку семечек «на счастье».

В Москве мы поселились в маленькой комнате на Тверской за 5 рублей. Сидела я целый день и ночь одна в этой комнате. Тосковала, и хотелось даже уехать опять в деревню, но такой решимостью я не отличалась, и, конечно, сидела на месте. В этой же комнатке родился мой сын Василий. Тут уж я воспрянула духом, и сынок был моим утешением.

Разборка старых зданий на пустыре, на котором был разбит сад при доме Я.В. Щукина в Успенском переулке.

Образец ландшафтного дизайна от Якова Щукина.

После Зоологического сада муж берёт уже весь буфет в театре «Парадиз»-Никитский, и мы уже переезжаем на Никитскую на житьё. Отсюда с Никитской мы ездили с мужем на Нижегородскую ярмарку, на два-три дня, где он снял сад и привёз с собой в Нижний из Москвы парашютиста Гудрона – первого в России. За вход в сад платили 50 коп., и большинство сидело за забором, и все смотрели бесплатно и смеялись: «За что, мол, деньги платить, когда и так всё видно!».

В театре «Парадиз» Яков Васильевич знакомился с постановкой театрального дела, которое его сильно увлекло и заинтересовало. Он встречался здесь со всеми знаменитостями, как-то Сара Бернар, Мазини, Росси, Сальвини и др., которых я теперь уже не помню.

Проработав в «Парадизе», он решил взять в аренду самостоятельно ресторан «Эльдорадо» в Петровском парке. Дела здесь шли хорошо, и, видя его умелую и солидную постановку дела, Лентовский (владелец старого «Эрмитажа») стал ему советовать начать работу в центре Москвы и указал на театр в Каретном ряду, вокруг которого был пустырь свалки. Яков Васильевич решился на это дело, и мы с Никитской переехали в Каретный ряд, в квартиру к Мошниным, владельцу старого театра, у которых Яков Васильевич заарендовал театр и пустырь в 4 десятины, на которых он мечтал устроить сад.

Работая по-прежнему в «Эльдора-

до», Яков Васильевич в то же время наводит порядок на новой арендованной земле. В первую очередь он с двух десятин удаляет верхний слой земли в 1,5 метра, т.е. вернее не земли, а свалки за много, много лет, и вывезено было чуть ли не «миллион возов», как смеялись знакомые, а навозили уже снова хорошей чернозёмной земли.

Потом распланировали сад, дорожки, клумбы и т.д., и работа кипела почти круглые сутки. Что тут только делалось! Надо было только видеть и слышать. Когда эта чёрная работа была окончена, началась посадка деревьев

и кустарников. Всё привозилось за десятки вёрст и притом самое лучшее, причём, ни одно дерево, ни один кустик не посажено без его руководства, т.к. ему никто не мог угодить, а уж он если делал, то уж самым наилучшим образом...

А сколько было дела! Это ужас, ужас и ужас! И в то же время приходилось ездить в «Эльдорадо» на своей лошадке «Бучалке». Но долго совместить это было невозможно, и в скором времени Яков Васильевич передаёт «Эльдорадо» Дмитрию Васильевичу Чебукову, а сам остаётся только в «Эрмитаже»,

Зеркальный театр сада «Эрмитаж».

где живёт во вновь отделанной для себя квартире при самом входе в театр и сад «Эрмитаж», где и проживал почти всё время его деятельности.

В «Эрмитаже» он работал больше 25 лет, и все эти годы кипела работа не только театральная, но, главным образом, строительная, так как кроме старого развалившегося театра с протекающей крышей и провалившимися полами не было ничего. Надо было начинать с того, чтобы отремонтировать театр, а для этого должен быть капитал, и не маленький. Так как денег на руках не было, то пришлось брать у маклеров

по 12% годовых, и, несмотря на такую сумму денег, которую надо было платить, Яков Васильевич не боялся ничего и смело шёл вперёд, лишь бы сбылась его мечта – создать первоклассный сад и при нём театр в Москве.

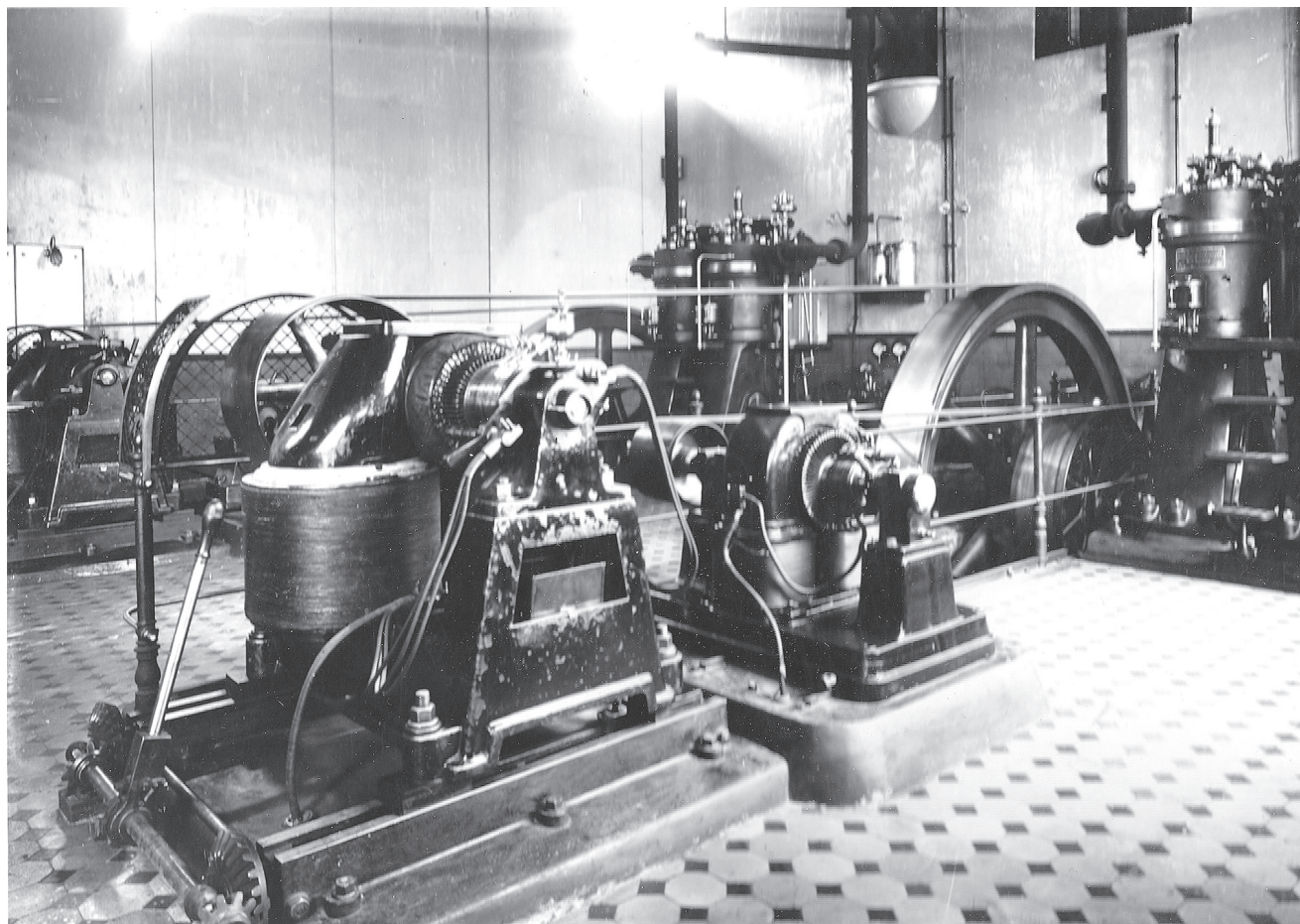
Несмотря на массу всевозможных притеснений со всех сторон и полное отсутствие личных денежных средств, он всё-таки шаг за шагом продвигался всё вперёд и исключительно под своим наблюдением руководил всеми работами, а умел он и понимал очень во многих областях: он прекрасно знал все плотничные работы (у нас

было много мебели его работы), водопроводные, как садовник он был «чудесный», как про него говорили, как ухаживать, как подрезать – всё знал, всё умел... Он всегда жаждал всего нового и всего того, чего нет в Москве, старался привезти из других городов и из заграницы.

Так, когда потребовалась при расширении театра своя электростанция, так как городской ток стоил дорого, то Яков Васильевич первым в Москве решил привезти из заграницы дизели, раньше выстроив для них целые громадные сооружения, и все по типу

Вид на вход в театр «Эрмитаж».

Дизельная электростанция театра и сада «Эрмитаж», впервые установленная в Москве.

заграницы.

Всё новое, как я уже говорила, его привлекало, но не только поверхностно, а так, чтобы самому понимать и всему научиться. Чтобы всё узнать, он стал ездить за границу и не знал никакого иностранного языка, он стал изучать немецкий и французский языки, особенно, немецкий...

Итак, работа кипела. Всё очищалось от грязи, мылось, воздвигались новые здания, новые стройки, так как спешно нужно подготовить, чтобы открыть летний сезон.

К 1892 году открытие каждого сезона обставлялось очень торжественно. Приглашалось духовенство для служения молебна, на котором присутствовали артисты, служащие и масса приглашённых гостей.

После молебна был сервирован обед для всех приглашённых. Из самых лучших блюд и вин «кутеж», где и я веселилась, продолжался до самого открытия сада, т.е. до 6 часов вечера, когда начинала стекаться публика, как в сад, так и в театр. И, надо отдать справедливость, что публики в такой день было всегда очень много, так как «Эрмитаж» любили, потому что знали,

что всегда там есть что-то интересное и новое, что можно посмотреть и послушать.

Якова Васильевича любила публика. Выражалось это тем, что в день его бенефиса, который полагалось иметь директору один раз в год, публики было неимоверно много. Доходило до того, что были полны все театры – закрытый зимний, закрытый летний, открытая сцена, и только в одном саду было более 4-х тысяч человек, так что в саду было как каша – трудно было двигаться и ходить, было жарко, как в помещении.

При выходе его на сцену публика забрасывала его цветами, и однажды был такой случай. Кто-то из публики, у которого цветов не оказалось, а в руках были коробки кофе и апельсины, которые, по-видимому, он нёс домой, так он пришёл в такой восторг, что бросил свои свёртки вместо цветов под ноги Якова Васильевича.

После бенефиса вся квартира наша была заставлена цветами, а на столах разложены всевозможные сервизы, портсигары, золотые и серебряные вещи. Уж тут я почти весь день рассматривала подарки и, скажу прямо, очень была горда своим мужем.

Почему же день бенефиса моего мужа был таким необычным? А вот почему. Как все мне говорили, что день бенефиса Якова Васильевича был

праздником не только для театра, сада, всех служащих и артистов, но также и той части публики, которая часто посещала театр и сад...

А что переживал сам директор в этот день, да и не только в этот день! Уже задолго до бенефиса он был весь в беспокойстве, в думах, как и чем в этот день порадовать и развлечь публику. Конечно, он приглашал в этот день общую любимицу публики А.Д. Вяльцеву с её несравненными цыганскими песнями, а также выписывал из заграницы сногшибательные аттракционы и номера...

Сад был иллюминирован изумительно, сам Яков Васильевич принимал участие, свет заливал сад как днём, и день кончался грандиозным фейерверком.

Во время поездок за границу он часто бывал в Монте-Карло, играл в рулетку, очень увлекался и играл на счастье наугад, не признавал никаких «штучек», модных изучений. В один из его приездов так ему повезло, что он в один вечер, играя за одним столом, всё время выигрывал всё, чем тот стол располагал, и столу тому пришлось закрыться. Это очень понравилось моему мужу, но, сколько впоследствии он не играл и не старался сделать также, ему не удавалось, и он проиграл гораздо больше, чем выиграл в тот вечер.

Одевался он своеобразно и очень

скромно, и всегда почти в закрытой тужурке, так что сразу не могли принимать его за видное лицо. И только, когда он показывал свою визитную карточку, то его встречали везде радушно и все ему делали, что он хотел, так как всё его знали не только в России, но и за границей как директора театра и сада «Эрмитаж» — Якова Васильевича Щукина.

Он очень любил путешествовать, ходить пешком и лазить по горам и даже, когда он был в Италии, то ходил пешком на вулкан Везувий.

Итак, открытие сада состоялось 18 июня 1894 года, когда окончательно в саду было всё посажено и была выстроена новая открытая деревянная сцена, на которую к открытию были приглашены эстрадные номера и заграничные фокусники, и даже название «Театр и сад «Эрмитаж» — память

настежь раскрылись, и публика, толпившаяся в вестибюле, хлынула в сад.

Всех интересовало, и все хотели скорее посмотреть, что же это было сделано на том месте, где все видели и знали одни свалки и пустыри. И оттого, что представилось их взорам — они ахнули и приходили в восторг, гуляя по только что отделанным дорожкам...

Понравилась также и новая открытая сцена, где выступали солидные эстрадные номера и заграничные фокусники. В закрытом же театре, но во всём абсолютно заново отремонтированном и, сколько возможно было, шикарно отделанном, выступали любимцы публики — малороссийская труппа Заньковецкого: Пивницкий, Манько, Суслов и др.

Не забыла публика также и буфет при театрах, бывший в саду на том месте, где впоследствии была выстроена

и оставить без внимания в своей голове ни малейшей точки, иначе сейчас же начнутся шероховатости. И вот для того, чтобы таких шероховатостей в деле Якова Васильевича не было, он во всём принимал самое деятельное участие и за всем наблюдал.

А начинался его день так: вставал он в 8 часов утра, завтракал очень быстро и легко и уходил очень скоро в сад, в свой служебный кабинет, но, проходя по саду, успевал хозяйским глазом увидеть, где было плохо убрано, недостаточно чисто подметены дорожки, и, придя в кабинет, в первую очередь звал управляющего и делал ему соответствующее внушение, что сад выглядит не так, как следует, и надо снова подметать.

В кабинете его ждали с насущными вопросами по разным отраслям, и такая работа была до обеда, после которого он ложился на 2 часа отдыхать, предварительно прочитав книгу или классиков, или вновь выпущенную беллетристику, что он читал также и на ночь. Никогда он не ложился, не взяв книгу в руки.

Вставая к открытию сада, убеждался в том, что сад имеет праздничный и нарядный вид, и приступал к своим вечерним работам, которые заключались в том, что он занимался артистическими и снабженческими мерами.

Опять, как и утром, Яков Васильевич сидел в своём кабинете, на столе всегда стоял кипящий самовар (иначе он его не признавал), стоял глиняный горшок с топлёной и румяной плёнкой молока и деревянной ложкой, и всех приходящих к нему по делу он обязательно угощал чаем, причём, чай был крепкий, сам его наливал гостям из самовара и сам пил вместе с ними всегда с молоком, и не больше, и не меньше, как три ложки. И так, выпивая чай, говорили, рассуждали, друг друга убеждали и делали нужные для обеих сторон дела.

Иногда такие мирные вечера нарушались внезапным вызовом Якова Васильевича, без его вмешательства не могущих разобраться. И только по закрытию сада, убедившись в том, что всё в порядке, он уходил домой в 2 часа ночи. И так было ежедневно.

Итак, Яков Васильевич Щукин за 25 лет своей работы на месте старого развалившегося театра с протекающей крышей, провалившимися полами, окружённого на 4 десятины диким пустырьём и свалками, вырастил новый «Эрмитаж», который знает не только вся Россия, но и вся за граница, и нет, наверное, человека, который в нём не побывал, и не было знаменитости, которая в нём не играла бы.

старого «Эрмитажа» Лентовского, которое золотыми буквами написано при входе в сад.

На подъезд к театру было обращено также немалое внимание, так как Якову Васильевичу хотелось, чтобы всё это было красиво и привлекало как взор публики, так и возбуждало желание войти в этот сад. Поэтому весь подъезд, который выдвигался глубоко подковой внутрь входа в сад и театр, был залит асфальтом... Посредине была устроена большая клумба из душистых трав и цветов, так что, подходя к «Эрмитажу» или проходя мимо, публика попадала в полосу благоухания.

Итак, публика 18 июня всё это уже прошла и к 6 часам стояла в вестибюле, ждала открытия дверей. В 6 часов вечера загремел духовой оркестр на вновь построенной сцене, двери сада

веранда, за которым сидела и я и еле справлялась, чтобы только не задерживать публику.

После первого же открытия всё, казалось, пошло по шаблону для публики, которая охотно посещала «Эрмитаж»...

Для нас же, работников театра, каждый день приносил новые заботы, хлопоты, беспокойства и волнения... И только те, кто самым близким образом связан с театральной жизнью, знают и понимают это, а публика, всегда весёлая и разряженная, привыкшая получать от театра только одно удовольствие, и, видя вокруг себя в театре всех и вся улыбающихся, чисто и опрятно одетых, успокоенных, далека от мысли, каким упорным трудом, вниманием и заботой достигается каждый день. Нельзя выпустить

Общая панорама сада «Эрмитаж» с открытой сценой. 1903 год.

Прошёл год. Прошёл второй и то, что было достаточным два года назад, всё стало малым.

Публика, приходившая в сад отдохнуть, уже захотела и покушать в уютном чистеньком саду и стала просить дать ей ужин, а не только закуски из буфета. А для того, чтобы дать ужин, нужна кухня, а её нет — значит, надо строить, а для того, чтобы кушать, надо где-то сидеть, значит, нужна какая-то веранда, чтобы на случай дождя не бежать вместе с ужином куда-то под крышу...

И вот тут-то времени в кабинете уже не хватало, и приходили к нему домой и всё обсуждали, обсуждали и обсуждали и, наконец, приступили к постройке кухни по последнему слову техники и летней деревянной террасы.

Стройка началась осенью и к открытию летнего сезона должна быть открытой. Здесь мы Яшу уже не видели, что называется, ни днём, ни ночью. Он весь горел этой стройкой и пропадал там с утра и дотемна, так что и обедать его дозваться было очень трудно. И только после неоднократных призывов посылали его любимую дочку, которая уже не отходила от него и приводила домой...

Как задумано, так и сделано. На третью весну есть кухня и летняя веранда, публика довольная и с удовольствием кушает на веранде.

На открытой сцене выступают новые заграничные номера, и программы меняются каждый месяц. И каждый месяц бывал какой-нибудь гвоздь сезона. Так Яков Васильевич старался всегда, чтобы сделать что-нибудь особенное, чтобы это было новым и интересным, из ряда вон выходящим.

Одним летом была приглашена труппа дрессировщика Оксфорда, состоящая из трёх слонов: Бонни, Молли и Вафи, которые, совершив переезд в специальных вагонах из заграницы в Москву, должны были перейти с вокзала в сад «Эрмитаж» и тоже в специально оборудованное для них помещение, чтобы не намочил их дождь. И вот, когда они шли по Москве, то у жителей, ничего не знавших, возник сильнейший переполох, и все, видя их, старались спрятаться, кто куда мог, так как сразу подумали, что эти звери сбежали из зоологического сада. И только тогда, когда увидели, как эти три слона послушно шли по середине мостовой, держа каждый другого слона за хвостик, то у зрителей, успокоившихся при таком виде, возник интерес — что это за слоны и откуда.

За ними постепенно стала нарастать толпа, так как это было очень рано — в 6 часов утра, то сначала было немного, а постепенно народ выходил из домов, видел слонов, толпу и также присоединялся к толпе. Когда слоны

Яков Васильевич
Щукин, Прасковья
Ефграфовна
Щукина, Нина
Яковлевна Щукина,
Пестов и Наташа
(племянница) на
Николаевском
вокзале.

Этот театр сада
«Эрмитаж» работал
только один летний
сезон.

подошли к «Эрмитажу», образовалась грандиозная толпа, которая хотела посмотреть, что же эти грандиозные звери будут делать?

И вот оказалось, что они проделывают не только цирковые номера, но играют целую пьесу, которая заканчивается следующим: открывается занавес, и на сцене изображён отель сбоку, а посередине садик и стоят три стула тумбой, а перед каждой столик. Приходят два больших слона и занимают две тумбы и звонят в колокольчик, на который выходит из гостиницы третий слон — самый маленький (Бонни) и, выслушав заказ, приносит каждому на подносе по стакану чая обыкновенного с обыкновенной чайной ложкой. Слоны берут своими хоботами чайные ложки, мешают чай в стакане и выпивают его, затем берут газеты и читают.

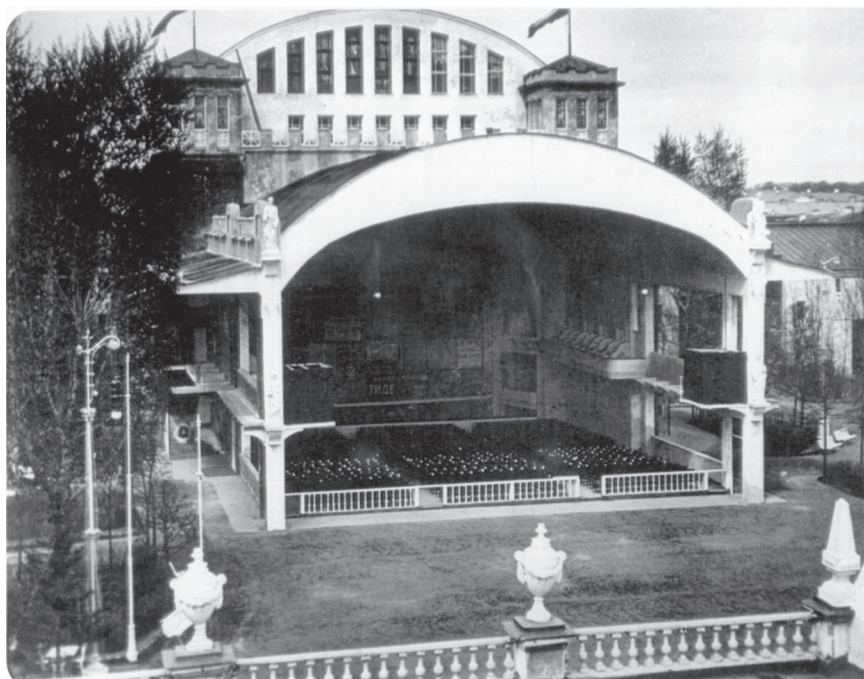
В это время в отеле возникает пожар. У Бонни, который им прислуживал, серьёзный переполох, так как в доме остался его ребёнок, и он стремитель-

но бежит в дом, выхватывает из дыма ребёнка и кладёт в люльку. В это время два других слона привозят воду, один из них качает воду, а другой поливает — пожар утихает. Один слон бежит к окну отеля, откуда выскакивает его хозяин. Слон хватается его и на хоботе выносит.

Публика от всего этого виденного была в восторге и охотно и часто посещала сад...

Кроме слонов были чудные гимнасты — семейство Нейст, состоявшее из 12 человек: отец, мать и дети. Притом, все они выходили по росту — лестницей, и самой маленькой акробатке было восемь лет.

И ещё было второе семейство из 10 лиц — Клейн, работавших не хуже Нейста. Акробаты «Красные черти» все взрослые. Уж по их программе можно было себе представить, что они проделывали и как складывали свои тела, можно было только удивляться, куда исчезли в тот момент все их кости.

Артисты в саду
«Эрмитаж» Якова
Щукина на Петровке.
1908 г.

Были чудные фокусники, но из многих, многих самый в памяти остался – это Роберт Ленц. Он работал со своей женой и помощником. Часто его номер заканчивался среди публики, и, хотя он находился рядом со зрителями, никогда никто не мог уловить, как он этот фокус проделывает.

Трансформатор Фреголи. Чудная, обаятельная личность и на сцене и в жизни. Нельзя не упомянуть того, что вне сезона всегда ходил во фраке и, какое бы ни было время года, он всегда ходил с ландышем в петлице.

Вообще, каждая выдающаяся личность имела всегда какую-нибудь присвоенную своей личности особенность.

Заканчивалась всегда программа любимцем публики – русскими пельменниками под управлением Соловцова, который сам принимал участие и был первый артист в этой труппе, состоящей из нескольких мужчин и женщин. Все были одеты в простые русские наряды и в лентах. Так они

пели на злобу дня и танцевали свои характерные танцы...

Так шёл сезон за сезоном, год за годом. Сад разрастался, деревья и кустарники, посаженные крошечными, выросли в парк, и, как будто, всё осталось по-старому. Но мозг работал у Якова Васильевича и не давал ему покоя – как бы ещё улучшить и усовершенствовать во всех направлениях.

Началась перестройка чуть ли не всех зданий... Тут уже Якову Васильевичу стали советовать поехать за границу, да он и сам видел, что ему необходимо побывать за границей, тем более, что все номера для сцены он приглашал через своих специальных лиц, а ему уже захотелось увидеть их самому лично – не осталось ли что-нибудь такое, необыкновенное, что его люди проглядели, и надо потому убедиться самому, что есть на сценах, а также посмотреть все театральные сооружения и постройки.

И вот он берёт с собой переводчика и катит через Варшаву, где он тоже останавливается, в Вену, Берлин, Париж и многие другие города.

От всего виденного он приходит в восторг. Тут же в его мозгу складывается план построек в «Эрмитаже», а попутно он, конечно, обращает внимание на все лучшие номера всех программ и, выбирая наилучшие, тут же с ними

договаривается и заключает контракты. Но что больше всего его поразило, так это электростанции, работающие там «дизелями». Это нарушило весь его покой, и у него создалась мечта иметь такую электростанцию у себя в «Эрмитаже», тем более, что электричества требовалось с каждым годом все больше и больше, и городу за него приходилось платить очень много.

Построить эту станцию, приобрести дизеля, перевезти их, установить, тем более, что в Москве в то время ни одного дизеля нигде не было, и о том, как их ставить – никто не знал, и как и что для них строить, тоже никому не известно. Пришлось начать и вести об этом переговоры там же, за границей, приглашать с собой от фирмы специального человека, который должен был сделать все планы для станции, установку и т.д...

Сейчас же по возвращении из заграницы было преступлено к ломке всего построенного несколько лет назад, в то время нужного, а теперь уже негодного. Новое все уже было каменное. Для четырёх дизелей понадобилось, в первую очередь, устраивать помещение вглубь земли метра на два, затем весь пол и все стены станции были сделаны из изразцов, для абсолютной чистоты, так что, когда станция уже работала, то ежедневно и стены и полы мылись водой...

Дизели были устроены так, что выработанная ими вода уходила на поливку сада... И вот когда всё было сделано, всё было готово, была дана первая проба всего освещения – это был триумф! ... От массы света всё сияло. Все были удовлетворены и также сияли оттого, что такая грандиозная работа увенчалась успехом.

О таких чудных машинах, которые так немного сохраняют свою энергию и очень мало, в то же время, расходуют средств, разнеслась молва по всей Москве... Больше всех заинтересовало это городскую московскую станцию, которая всё ещё работала на старых машинах... Все хотели посмотреть на такое чудо, как дизель...

Яков Васильевич всегда с гордостью возил своих гостей, так как знал, что доставит им удовольствие. Но для него это был ещё не конец работы – это была сделана только частица всего задуманного.

Пошли работы на кухне – тоже усовершенствования, по тем временам, по последнему слову техники, подвалы и др. службы. Кончается сезон, и начинается строительство веранды. И вот, когда соприкоснулись с этим новым строительством, то оказалось, что все хозяйственные фундаментальные сооружения, как кухня, подвал, буфет, стоят не на месте и мешают. Яков Васильевич, не задумываясь ни минуты, отдаёт распоряжение – всё сделанное год тому назад, за исключением электростанции, которая (слава богу) не помешала, так как была в очень отдалённом месте, снести, и, как Якова Васильевича не отговаривали от этого, ... сломить его было уже невозможно. Он говорил одно: устраним препятствие на один год, а в дальнейшем там всё равно надо ломать, так что лучше сейчас. И вот началась ломка новых сооружений, всех каменных, на цементе, разломать которые было невозможно, так что пришлось взрывать динамитом. Вот как было построено и как строилось все, что только делал Яков Васильевич, под своим непосредственным наблюдением.

И вот всё было сломано из хозяйственных сооружений и опять воздвигнуто уже на новом месте, где всё стоит и сейчас. Также был построен грандиозный зеркальный театр. Он и сейчас есть.

За это же время открытая сцена претерпевала реконструкцию не один раз. Сначала она была просто маленькой эстрадой. Затем сделалась открытой летней эстрадой, т.е. шёл дождь – и все отсюда бежали. Потом она была закрытой, с большой сценой. Наконец, Яков Васильевич не вытерпел и сделал её в своем любимом грандиозном масштабе – чтобы все желающие могли получить

удовольствие, и выстроил её такой, какой она есть и сейчас...

Театр был очень высоким – этажа четыре. Яков Васильевич лазил по лесам и сам смотрел каждый день, как кладут кирпичи, и нас таскал с собой. Идёт по лесам – чем выше, тем страшней, держаться не за что. Доски трясутся, между ними огромные щели, а Яков Васильевич уже упорхнёт по ним чуть ли не бегом, да и кричит оттуда: «Да идите же, идите скорей». А где тут идти скорей, тут хочется или ползком ползти, или назад идти. А назад посмотришь – ещё страшнее делается, но, когда уже доберёшься до верхушки, то оттуда вся Москва видна. Красота!

Уж это был настоящий театр с большой высокой сценой, с уборными для артистов со всеми удобствами. Было обращено внимание на каждую мелочь... Обсуждалось всегда очень долго, какие кресла заказать, в которых

Репродукция театральной газеты «Новости Сезона» со статьёй об «Эрмитаже».

будет сидеть публика, какой ширины, на каком расстоянии поставить ряды друг от друга, какие подлокотники...

Так, кажется, всё очень просто – пришёл в театр, сел и сиди. И в голову не приходит, что, прежде, чем ты попал в это кресло, мозги не одного человека были проедены – как тебе удобно в это кресло сесть.

Но этим строительная жизнь Якова Васильевича не заканчивалась. Он задумал построить грандиозный театр на 4000 зрителей, по самым последним театральным усовершенствованиям. Началось это строительство с фундамента, ... начиная с того, какой должен быть подъезд к театру, самый театр, высота театра, чтобы декорации не закручивать, а просто подымать вверх. Одним словом, всё было

Банкет
в ресторане
«Эрмитаж».

предусмотрено, всё предвидено, не предвидено было только одно — что началась война, и театр, уже воздвигнутый вниз в глубину и вверх, выложенный в кирпичках на всю поверхность, сколько он должен был занимать по площади, был приостановлен. И до сих пор так и стоит, зияя своей внутренней пустотой, и на этом закончилась его (Якова Васильевича) строительная деятельность.

Все его порывы, все его желания всё улучшить, всё увеличить, всё усовершенствовать — бури жизни всё нарушили, все сломали, всё исковеркали, и не осталось никаких порывов. Только сами здания существуют, и, этим по-

казывая, чем человек этот, Яков Васильевич Щукин, жил, что любил, во что вкладывал всю свою жизнь, энергию и любовь, и те, которые когда-нибудь заинтересуются строительством «Эрмитажа» и заглянут в эту книгу, то узнают, каким он был человеком, и как его научила жизнь...».

Ещё некоторые подробности из жизни семьи Щукиных, описанные Анной Григорьевной:

«Сами же мы жили всё в той же квартире, отделанной наспех при переезде из комнаты от наших хозяев — Мошниных. Так как квартира была при самом входе в вестибюль театра, то, кто бы ни шёл в театр, обязательно проходил мимо наших дверей, а это приводило к тому, что у нас постоянно кто-нибудь да был, а приезжие артисты, приезжавшие на второй год, считали своим долгом побывать у нас,

где они особенно любили проводить своё свободное время, так как встречали у нас всегда радужный приём и интересное для всех общество.

А знакомые, приходившие к нам в театр, посещали нас в антрактах закусить и выпить чашку чая по-«щукински», т.е. с топлёным молоком и красными пенками, в глиняном горшочке... И вот так жизнь текла изо дня в день, год за годом, и квартирка эта стала нам уже мала, но, чтобы не расставаться с её удобствами, Яков Васильевич пристроил ещё к ней три комнаты, хорошую удобную кухню и ванную. Причём, он сам ванны не любил, а признавал только Сандуновские бани горячие, куда ездил аккуратно один раз в неделю. Вслучаях же, когда он чувствовал недомогание, простуды, то не слушал никого, как иногда его не умоляли, не ехать с температурой в баню, он сейчас же, как первое лекарство, ездил в горячие бани, чтобы с потом вышла простуда, и, приехав домой, пил самый горячий чай, какой только можно было глотать, с рижским бальзамом (настой из всевозможных трав), и ложился спать. И, как ни странно, такое лечение помогало.

Не помню, в каком году к нам пришли Станиславский и Немирович-Данченко и начали переговоры о сдаче им зимнего театра. У них тогда организовалась любительская труппа, и они решили выступать на сцене. Яков Васильевич охотно пошёл им навстречу, и после всевозможных и долгих переговоров зимний театр был им сдан на несколько лет.

Художественный театр пробыл у нас несколько лет, и, когда контракт кончился, они хотели его опять возобновить, очень просили, чтобы летом в зимнем театре никаких спектаклей не было, но обеспечить его достаточной суммой они не могли, а Яков Васильевич не имел денежных возможностей пойти им навстречу из-за крупных расходов, а иногда и убыточных сезонов и платежей за занятые деньги, а также увеличивающуюся плату за аренду «Эрмитажа». На эту тему они говорили, приходил то Станиславский, то Немирович-Данченко, то оба вместе и говорили, говорили, иногда часами, казалось, что и конца не будет разговорам, и всё же договориться не смогли, и Яков Васильевич им отказал, т.к. их условия он принять не мог.

Пока был Художественный театр, Яков Васильевич вздохнул свободно и несколько лет на 1-2 месяца стал ездить за границу. Некоторое время он там отдыхал, а затем ездил по городам

Крытая веранда
ресторана
«Эрмитаж».
1908 г.

Создатель сада
«Эрмитаж»
Яков Васильевич
Щукин.

и высматривал там интересные номера для «Эрмитажа». Несколько раз и мы ездили с ним за границу, причём, путешествовать и ездить с ним было очень интересно, так как его любознательность наталкивала на такие интересные места, которые можно было пройти мимо.

Всё, как будто, шло нормально. Все работали, деньги за аренду Мошнин платили аккуратно. И не было никогда туч на горизонте, как вдруг в один прекрасный весенний день, когда всюду работы шли на полный ход, приходит к нам Мошнин и говорит: «Наша семья решила «Эрмитаж» продать, и, если Яков Васильевич его не купит, то уже есть покупатель, который сейчас же и уплачивает деньги, и что ответ надо дать не позже следующего дня, и называет покупателя — Судакова, моего кума — директора ресторана «Яр».

Как гром грянул среди летнего ясного дня, так грянуло на нас это сообщение. Встала перспектива лишиться «Эрмитажа», созданного, можно

сказать, личным трудом... Не было местечка, обойдённого без внимания, и вдруг всего лишиться сразу, в один день. Нет! Сразу, так как время не ждало, на другой день надо было или всё оставлять, или уплачивать деньги. Причём, когда только при аренде предлагали купить «Эрмитаж», то цена ему была дана, а спустя 6 или 7 лет, когда на пустырях были воздвигнуты фундаментальные постройки, то цена выросла более чем в 2 раза...

Но что же всё-таки делать? Где же и как найти такую огромную сумму денег (500000 руб.), да ещё в один день?...

То, что мы лишились дохода — это нас мало трогало, так как Яков Васильевич при своей инициативе и энергии никогда не задумывался об этом, но оставить и отдать в чужие руки всё, что с такой любовью устраивалось и усовершенствовалось!...

А в это время нам говорят, что деньги за «Эрмитаж» Судаковым уже внесены, что поздно что-то предпринимать, что всё уже кончено, и вот тогда я сама иду к нашей хозяйке выяснить, всё ли мы уже потеряли или нет. И она мне говорит, что нет ещё, деньги Судаков ещё не привёз. И если мы дадим им раньше, то «Эрмитаж» останется за нами...

И вот, наконец, после упорного искания сумма была найдена под

большие проценты и была внесена Щукиным...

В конце концов, всё выплатилось, и «Эрмитаж» стал нашей собственностью, но проценты, которые надо было выплачивать, растянулись на много-много лет.

С ранней весны началась подготовка к открытию летнего сезона... Яков Васильевич уже с утра находил себе повседневную работу. Встав рано утром, напившись чая, покусав очень мало, он выходил на работу, постоянно находясь с рабочими...

Летом, когда приезжали гастролёры из заграницы, то те, кто, которые ездили не первый год, считали своим долгом зайти к нам домой, дочке моей привозили куклы и какие-нибудь необыкновенные игрушки. Некоторые даже приезжали со своими детьми, которые дружили с моей дочуркой, и было очень интересно наблюдать, когда одна говорит на одном языке, а другая на другом, но друг друга понимали.

Очень любила мою дочь «несравненная» (как за ней водилось слово) Анастасия Дмитриевна Вьяльцева. Не было никогда, чтобы она, приезжая из Петербурга на гастроль в «Эрмитаж», не заехала к нам и не привезла бы моей дочурке куклы или большой коробки конфет. Брала её с собой кататься в

коляске, а затем я уже дочери не видела. Днём она целый день с Анастасией Дмитриевной на репетиции держится за её юбку и ходит с ней по сцене, а было ей шесть лет. После репетиции, как две подружки (так и называла её – подруга), они шли в ресторан и заказывали раков – это было любимое блюдо Вьяльцевой. Она приучала к ним и дочку.

Анастасия Дмитриевна, вообще, человек замечательный, и очень жаль, что нет о ней ни книг, ни воспоминаний. А вся её жизнь протекала и замерла на наших глазах.

Да, много было интересных людей и артистов. Кончался зимний сезон началом великого поста, а это означало, что на первой, четвёртой и седьмой неделе спектаклей не было, а на второй,

или читал, или раскладывал пасьянс, а так ничего не делать он не мог...

Когда продажная была совершенна и острый момент ликвидирован, жизнь начала входить в свою колею, то Яков Васильевич опять с неустанной энергией принялся за строительство и театральную работу.

Зимний театр «Эрмитажа» его не удовлетворял – был слишком мал да и стар. Ему хотелось создать новый «Эрмитаж» с зимним театром, вместимостью на четыре тысячи человек, с полным удобством и комфортом.... А для этого надо было приобрести небольшие участки земли, застроенные жилыми домами, рядом с «Эрмитажем».

И вот он, упорно лелея своё желание, в течение нескольких лет скапливал деньги и в конце концов купил эти

развалившегося театра с протекающей крышей, провалившимися полами, окружённого на 4 десятины диким пустырьём и свалками, вырастил новый «Эрмитаж», который знает не только вся Россия, но и вся заграница, и нёт, наверное, человека, который в нём не побывал, и не было знаменитости, которая в нём не играла бы. Но очень редко кто знает – сколько упорного труда, сколько тяжёлых и не только тяжёлых минут, но и месяцев (но никогда не было разочарования) было прожито, прежде, чем было воздвигнуто и создано такое грандиозное здание не одного театра, а нескольких театров: зимний, летний, открытая сцена, веранда, ресторан, электростанция и все хозяйственные постройки, тоже грандиозные, со всеми удобствами и раскинут сад на протяжении 4 десятин.

В первые же годы своей работы, как только явилась малейшая денежная возможность, он занялся в селе Заозерье устройством удобного помещения для матушки, которая там жила с двумя дочерьми... Он очень любил матушку и сестёр и обязательно каждый год выбирал время, чтоб хотя на несколько дней поехать повидаться с ней.

Когда же жизнь в Москве более или менее наладилась, то всякий раз, как только что-нибудь просили прислать из Москвы вкусенького – он сейчас же выполнял матушкино желание, и всё, что только появлялось, в особенности из рыб (навага, корюшка, сёмга), всё высылал, т.к. рыбу солёную в деревне любили, а достать там было негде.

Кроме своих близких он заботился и о самом селе. Помогал селу-общине деньгами, а, когда строился храм, то прислал от себя колокол большой, звон которого раздавался далеко-далеко и на зов которого жители даже из дальних деревень стекались в храм божий, а раньше при колоколе и, не имея часов, а живя по солнцу, то опаздывали, а то слишком рано приходили.

Мечтой его было в этом селе благоустроить речушку, которая протекала посередине – всегда была заросшая, вонючая, и только маленькие купались в ней по пояс. Так вот он хотел взять её в берега так, чтобы можно было ею пользоваться, как рекой, и кататься на лодках, но мечта не осуществилась, т.к. началась война 1914 г.

Единственно, что удалось сделать, это очистить реку и даже обложить её брёвнами. Когда чистили реку, то собирали всё село, кто мог работать в этой работе. В этой работе принимала участие и я, а состояла работа в том, что лоханками выбирали грязь и выбрасывали её на берег...

Завершают записки некоторые записки о старом деревенском быте. •

Сами же мы жили все в той же квартире, отделанной наспех при переходе из комнаты от наших хозяев – Мошниных. Так как квартира была при самом входе в вестибюль театра, то, кто бы ни шел в театр, обязательно проходил мимо наших дверей, а это приводило к тому, что у нас постоянно кто-нибудь да был, а приезжие артисты, приезжавшие на второй год, считали своим долгом побывать у нас, где они особенно любили проводить свое свободное время, так как встречали у нас всегда радушный приём и интересное для всех общество.

третьей, пятой и шестой неделе были гастроли знаменитых артистов: Сары Бернар, Савиной, Ероловой, братьев Адельгейм, Росси, Сальвини, Комиссаржевской и др. В это время, казалось бы, Яков Васильевич должен был бы отдыхать, но нет, в это время уже начиналась подготовка к летнему сезону, всевозможные ремонты, достройки, перестройки и т.д.... Открытие летнего сезона было на второй день пасхи...

В это время в саду уже был образцовый порядок... И только два раза на открытии сада шёл снег. Один раз это было 14 апреля. Конечно, огорожениям не было границ, и открытие приходилось откладывать до лучшей погоды, что всегда очень расстраивало Якова Васильевича. Он начинал всегда нервничать, больше курить, а курил он папиросы только свои и по особому заказу, которые ему делали сразу тысячами и дома всегда лежали около труб парового отопления, а также беспрерывно раскладывал пасьянс и всегда загадывал: выйдет на такое-то число, значит будет открытие, а не выйдет – значит нет... Знал он пасьянсов очень много, но у него был один возлюбленный, который он предпочитал всем. Несмотря на то, что у него работой было загружено всё время, он ничего не делать всё-таки не мог и, если выбирался свободный час, то он

дома, все их сломал и на этом месте заложил новый зимний большущий театр. Удалось сделать только основу из кирпича во всю вышину – но тут 1914 год, грянула война, дела пошатнулись, денег не было, т.к. весь капитал был вложен в новое строительство, которое сейчас же было приостановлено, дела в театре резко уменьшились, а, так как было много долгов, то возник вопрос о продаже «Эрмитажа». Как ни больно и как ни жестоко было даже в мыслях к этому приступать, но оказаться должником для Якова Васильевича было ещё более жестоко к самому себе – этого он переносить не мог.

После многих дум и рассуждений в своей семье было решено (с огромной болью в сердце) для оплаты долгов продать «Эрмитаж», что и было сделано в 1916 году, продано братьям Коган. Получили первый взнос так, чтобы рассчитаться с долгами, а, когда наступили сроки других платежей, то грянула революция, и никаких денег больше за «Эрмитаж» мы не получили.

Так вот прошла изо дня в день огромная работа на протяжении всей жизни Якова Васильевича, который одарен незаурядной силой воли, энергией, трудоспособностью и настойчивостью к раз намеченной цели...

Итак, Яков Васильевич Щукин за 25 лет своей работы на месте старого